

обходимостью в создании «правым мозгом» целостного статичного образа, в коммуникативном отношении ценного самого по себе.

4.3. Согласование русского предикативного имени с подлежащим

Нечто алгоритмически похожее на описанную выше дифференциацию обнаруживается в случаях вариантности конструкций с именительным предикативным (обратным согласованием), например *Он был сапожник*, и с творительным предикативным, например *Он был сапожником* (согласовательная аналогия наблюдается и при другой падежной оппозиции, но только с прилагательным: *Его привели пьяного* — *Его привели пьяным*). АИВ это или АДВ — ясно далеко не сразу. Противоречие двух именительных падежей в одной глагольной конструкции в случае с именительным предикативным, часто мешающее пониманию смысла (например, в *Дворник был солдат* — неясно, кто кем был: русский порядок слов гарантий понимания в таких случаях не дает), и относитель-

но невысокая его частотность приводят исследователей к мысли о постепенном вытеснении такого противоречивого явления конструкцией с творительным предикативным [Ломоносов 1952: 564; Булаховский 1958: 300–304; Черных 1962: 302–303, Ломтев 1956: 89–132; Борковский 1965: 360–366; Иванов 1983: 377–378] (это АИВ; кроме того, только конструкцию с творительным предикативным репрезентируют иностранным студентам, изучающим русский язык на подготовительных факультетах). В течение XX века многие исследователи создаваемого именительным предикативным обратного согласования склонялись к тому, что именительный предикативный выражает значение постоянного признака, в то время как творительный предикативный — непостоянного (см., например, [Тимберлейк 1985: 278–282; Бельчиков 2008: 229]) (это проявление АДВ). Однако на практике действие этого различительного алгоритма не подтверждалось, что стимулировало новые исследования этого труднообъяснимого явления, иногда заканчивавшиеся отчаянием: отказом от поиска инварианта (см., например, [Никольс 1985]). Между тем аналогия брала свое, и именительный предикативный казался и сейчас кажется — при поверхностном рассмотрении (ПВ) — уходящим под давлением синонимичных глагольных конструкций (АИВ): если *Он был дворник* еще допустимо, то *Он работал дворник** или *Он считался дворник** — уже нет, в этих случаях возможен лишь творительный предикативный.

Однако в 2005 году в журнале «Вопросы языкознания» (№ 4) была опубликована статья Г.М. Зельдовича, в которой он убедительно доказывает, что именительный предикативный (и винительный предикативный для прилагательных) имеет значение статичности, картинности, наглядно-образной фиксированности, которому ученый предложил присвоить термин «наблюденность», в то время как творительный предикативный, называя объект, соотносит его со всем классом подобных объектов. Наиболее убедительное, на наш взгляд, из приведенных автором доказательств состоит в возможности именительного (винительного для прилагательных) предикативного и соответственно невозможности творительного предикативного употребляться в восклицательных (эмоционально окрашенных) предложениях: ср. абсолютную корректность *Ну ты был ма-а-астер! Хоро-о-ошего тебя вчера привели!* и невозможность *Ну ты был ма-а-астером!* Хоро-о-ошим тебя вчера привели!** [Зельдович 2005] (АДВ). Можно, очевидно, опираясь на данные о функциональной асимметрии мозга (см. главу 1 и предыдущий пункт), считать, что именительный (винительный для прилагательных) предикативный с присущим ему значением конкретной, образной, застывшей наблюденности фиксируется правым полушарием мозга (и закономерно

является исторически более ранним, чем его оппонент, — ср. с данными А.Н. Гвоздева о том, что Женей Гвоздевым именительный предикативный употреблялся до 6-летнего возраста при полном отсутствии творительного предикативного, глава 1), а творительный предикативный с присущим ему значением обобщенности всех возможных объектов, один из которых в момент речи обозначается этим падежом, отражается доминантным, категоризирующим левым полушарием, что в целом поддерживает предложенный Г.М. Зельдовичем алгоритм. Понятно, почему в примерах НКРЯ именительный предикативный встречается гораздо реже своего «творительного оппонента»: редки сами ситуации «наблюденности», в том числе эмоционально-восклицательной. Однако в силу их хоть в какой-то мере существования, а значит в силу имеющейся коммуникативной потребности в обозначении именно такого восприятия, можно предположить, что совсем — именительный (винительный для прилагательных) предикативный не исчезнет, как не исчезает лишь на словах обрезаемый кодификаторами на исчезновение по причине низкой частотности родительный падеж (бывший партитив) типа *чаю* (с этого места и до конца абзаца позволим себе небольшое отступление в сферу синтаксического управления). Не исчезают формы род. п. типа *чаю* потому, что в современном языке они получили коммуникативно востребованное значение неопределенного количества вещества. В настоящее время в *Давай выпьем чаю* форма *чаю* никогда не меняется на форму *чая*, поскольку, в отличие от употребления в сочетаниях с обозначением меры (*чашка чая*), имеет значение указанной неопределенности количества вещества, ведь количество чая, который после принятия указанного предложения будет выпит, обычно заранее неизвестно. Это тоже АДВ (подробнее — см. [Попов 2008]).

4.4. Согласование в числе препозитивного сказуемого с однородными подлежащими

При сочетании препозитивного сказуемого с однородными подлежащими (особенно неодушевленными) древнерусский синтаксис демонстрирует в основном ПВ: сказуемое согласуется в ед. ч. с первым (то есть ближайшим к нему) подлежащим, если оно тоже имеет форму ед. ч., словно не замечает следующее за ним второе подлежащее, позволяющее понять, что раз подлежащих два, то семантико-грамматически это уже больше одного (примеры см. ниже).

А.А. Шахматов допускает и мн. ч. сказуемого в таких случаях, видя в этом «согласованность не грамматическую, а смысловую» [Шахматов 1941: 253–254]. Из этого следует, что согласование сказуемого с одно-